

История и юристы

Московский златоуст. Фёдор Никифорович Плевако (25.04.1842-05.12.1909.) 180 лет со дня рождения

Федор Никифорович Плевако появился на свет 25 апреля 1842 в городе Троицке. Его отец, Василий Иванович Плевак, являлся членом Троицкой таможни, надворным советником из украинских дворян. У него было четверо детей, двое из которых умерли младенцами.

С матерью Федора, крепостной – «киргизкой? калмычкой?) Екатериной Степановой, Василий Иванович в церковном (то есть официальном) браке не состоял, а потому будущий «гений слова» и его старший брат Дормидонт были незаконнорожденными детьми. Согласно традиции, свою первую фамилию, а также отчество Федор принял согласно имени крестного отца — Никифора.

С 1848 по 1851 годы Федор проходил обучение в троицкой приходской, а затем уездной школе, а летом 1851 в связи с выходом отца в отставку их семья переехала в Москву.

Осенью этого же года девятилетний парнишка был определен в коммерческое училище, расположенное на Остоженке и считавшееся в то время образцовым. Заведение нередко удостаивали своим посещением даже особы царской фамилии, любившие проверять знания учащихся. Федор и его брат Дормидонт занимались старательно и были круглыми отличниками, а имена их уже к концу первого года учебы занесли на «золотую доску».

Московское коммерческое училище

Когда в начале второго года обучения мальчиков, училище посетил племянник императора Николая принц Петр Ольденбургский, ему поведали об уникальных способностях Федора выполнять в уме с четырехзначными цифрами разные арифметические операции. Принц сам испытал мальчика и, убедившись в его умениях, подарил коробку конфет. А в самом конце 1852 года Василию Ивановичу объявили, что сыновья его исключены из училища, как незаконнорожденные. Испытанное унижение Федор Никифорович хорошо запомнил на всю жизнь.

Много лет спустя писал в автобиографии: *«Нас называли недостойными того самого училища, которое хвалило нас за успехи и выставляло напоказ наши исключительные способности в математике. Боже, прости их! Эти узколобые и впрямь не знали, что творили, свершая жертвоприношение человеческое».*

Лишь осенью 1853, благодаря долгим хлопотам отца, его сыновья были приняты в третий класс Первой Московской гимназии, расположенной на Пречистенке. Окончил гимназию Федор весной 1859 и в качестве вольнослушателя поступил на юрфак столичного университета, сменив свою фамилию Никифоров на фамилию отца Плевак.

За годы, проведенные в университете, Федор похоронил своего батюшку и старшего брата, а на иждивении его остались больная сестра и мать. К счастью, учеба давалась талантливому юноше легко, будучи студентом, он подрабатывал репетитором и переводчиком, побывал в Германии, прослушав курс лекций в знаменитом Гейдельбергском университете, а также перевел на русский язык труды известного юриста Георга Пухты.

Университет Федор Никифорович окончил в 1864, имея на руках диплом кандидата прав, и снова изменил свою фамилию, прибавив к ней в конце букву «о», причем с ударением на ней.

С призванием адвоката молодой человек определился не сразу — несколько лет Федор Никифорович, ожидая подходящей вакансии, работал стажером в Московском окружном суде. А после того как весной 1866 в связи с начавшейся Судебной реформой Александра II в России начала создаваться присяжная адвокатура, Плевако записался помощником к присяжному поверенному, одному из первых московских адвокатов Михаилу Ивановичу Доброхотову. Именно в звании помощника Федор Никифорович впервые проявил себя как искусный адвокат и в сентябре 1870 был принят в число присяжных поверенных округа.

Одним из первых уголовных процессов с его участием стала защита некоего Алексея Маруева, обвиненного в двух подлогах.

Несмотря на то, что Плевако проиграл это дело, а его подзащитный был отправлен в Сибирь, речь молодого человека хорошо продемонстрировала его недюжинные таланты. Второе дело принесло Федору Никифоровичу первый гонорар в двести рублей, а знаменитым он проснулся после казавшегося проигрышным дела Кострубо-Карицкого, обвинявшегося в попытке отравления своей любовницы. Даму защищали два лучших российских адвоката того времени — Спасович и Урусов, однако присяжные оправдали клиента Плевако.

С этого момента началось блестящее восхождение Федора Никифоровича на вершину адвокатской славы. Резким нападкам своих оппонентов на судебных процессах он противопоставлял спокойный тон, обоснованные возражения и подробный анализ улик.

Все присутствовавшие на его выступлениях единодушно отмечали, что Плевако был оратором от Бога. Услышать его речь в суде люди приезжали из других городов. В газетах писали, что, когда Фёдор Никифорович заканчивал выступление, зал рыдал, а судьи уже не понимали, кого им судить.

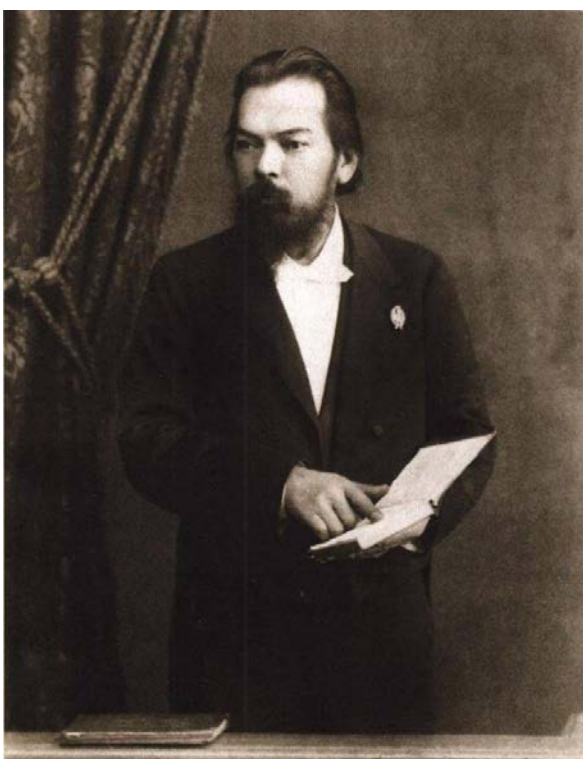
Многие речи Федора Никифоровича стали анекдотами и притчами, разошлись на цитаты (например, любимая фраза Плевако, которой он, как правило, начинал свою речь: *«Господа, а могло ведь быть и хуже»*), были занесены в учебные пособия для студентов юридических ВУЗов и, бесспорно, являются достоянием литературного наследия страны.

Любопытно, что в отличие от других светил присяжной адвокатуры того времени — Урусова, Андреевского, Карабчевского — Федор Никифорович беден был внешними данными. Анатолий Кони описывал его так: *«Угловатое, скуластое калмыцкое лицо. Широко расставленные глаза, непослушные пряди длинных темных волос. Облик его мог бы назваться безобразным, если бы не внутренняя красота, просвечивавшая то в доброй улыбке, то в одушевленном выражении, то в блеске и огне говорящих глаз. Движения его были неровными и подчас неловкими, адвокатский фрак сидел на нем нескладно, а пришепывающий голос исходил, казалось, наперекор его призванию оратора. Однако в голосе этом звучали ноты такой страсти и силы, что он захватывал слушателей и покорял их себе»*.

Писатель Викентий Вересаев вспоминал: *«Главная сила его была заключена в интонациях, в необоримой, прямо волшебной заразительности чувств, которыми он умел зажечь слушателей. Поэтому его речи на бумаге и близко не передают их»*.

поразительной силы». По мнению Анатолия Кони - Федор Никифорович безусловно владел трояким призванием стороны защиты: *«умилостивить, убедить, расстрогать»*. Интересно также и то, что тексты своих выступлений Плевако заранее никогда не писал, однако по просьбе близких друзей или газетных репортеров уже после суда, если не ленился, записывал свою проговоренную речь. К слову, Плевако первым в Москве начал использовать пишущую машинку фирмы «Ремингтон».

Сила Плевако как оратора заключалась не только в эмоциональности, находчивости и психологизме, но и в красочности слова. Федор Никифорович был мастером на антитезы (например, его фраза о еврее и русском: *«Наша мечта — поесть пять раз в день и не затяжелеть, а его — один раз в пять дней и не отоцать»*), на картинные сравнения (цензура, по словам Плевако: *«Это щипцы, снимающие со свечи нагар, не гася ее света и огня»*), на эффектные обращения (к присяжным: *«Раскройте объятья — я отдаю его (клиента) вам!»*, к убитому: *«Товарищ, мирно спящий в гробе!»*).

Помимо этого - Федор Никифорович был непревзойденным специалистом каскадов громких фраз, красивых образов и остроумных выходов, приходивших неожиданно ему в голову и спасавших его клиентов.

О том насколько непредсказуемы были находки Плевако хорошо видно из пары его выступлений, которые стали легендами — в ходе защиты проворовавшегося священника, отрешенного за это от сана, и старушки, похитившей жестяной чайник.

В первом случае вина священника в краже церковных денег была твердо доказана. Подсудимый сам признался в ней. Против него были все свидетели, а прокурор выдал убийственную речь. Плевако же, промолчав все судебное следствие и не задав ни одного вопроса свидетелям, заключил со своим приятелем пари о том, что его защитительная речь будет длиться ровно одну минуту, после чего священника оправдают. Когда наступило его время, Федор Никифорович, поднявшись и обратясь к присяжным, произнес характерным задушевым голосом: *«Господа присяжные заседатели, подзащитный мой больше двадцати лет отпускал вам ваши грехи. Отпустите их и вы ему разок, люди русские»*. Священник был оправдан.

В деле же о старушке и чайнике, прокурор, заранее желая снизить эффект от защитительной речи адвоката, сам произнес все возможное в пользу старушки (бедная, жалко бабушку, кража пустяковая), однако в конце подчеркнул, что собственность священна и неприкосновенна, *«поскольку ею держится благоустройство России»*. Выступавший после него Федор Никифорович заметил: *«Много испытаний и бед*

пришлось претерпеть нашей стране за ее тысячелетнее существование. И татары ее терзали, и половцы, и поляки, и печенеги. Двенадцать языков на нее обрушились и захватили Москву. Все преодолела, все вытерпела Россия, только росла и крепла от испытаний. Но ныне..., ныне старушка похитила жестяной чайник ценой в тридцать копеек. Этого страна, конечно, не сможет выдержать и погибнет от этого». Нет смысла говорить, что старушку также оправдали. За каждой из побед Плевако в суде стояла не одна только природная одаренность, но

и тщательная подготовка, всесторонний разбор доказательств обвинения, глубокое исследование обстоятельств дела, а также показаний свидетелей и подсудимых. Нередко уголовные процессы с участием Федора Никифоровича обретали общероссийский резонанс.

Одним из них явился «Митрофаньевский процесс» — суд над игуменьей Серпуховского монастыря, вызвавший интерес даже за границей. Митрофания — она же в миру баронесса Прасковья Розен — была дочерью героя Отечественной войны, генерал-адъютанта Григория Розена. Будучи фрейлиной царского двора в 1854 она постриглась в монахини и властвовала в Серпуховском монастыре с 1861 года. За последующий десять лет игуменья, опираясь на близость ко двору и

свои связи, наворовала посредством подлогов и мошенничества свыше семисот тысяч рублей. Следствие по этому делу начал в Петербурге Анатолий Кони, бывший в то время прокурором Петербургского окружного суда, а судил ее в октябре 1874 Московский окружной суд.

Плевако блеснул в непривычной для себя роли поверенного потерпевших, став на процессе главным обвинителем, как игуменьи, так и ее подручных. Опровергнув аргументы защиты, подтвердив выводы следствия, он произнес: *«Путник, шагающий мимо высоких оград владычного монастыря, крестится и полагает, что шествует мимо Божьего дома, а ведь в доме этом звон утренний подымал настоятельницу не на молитвы, а на дела темные! Вместо молящегося люда аферисты там, вместо подвигов добра — подготовка к ложным показаниям, вместо храма — биржа, вместо молитвы — упражнения по составлению векселей, вот что таилось за стенами... Выше, выше сооружайте ограды, вверенной вам общине, дабы миру не было зримо дел, творимых под покровом обители и рясы!»* Игуменья Митрофания была признана виновной в мошенничестве и отправилась в ссылку в Сибирь.

Пожалуй, самый большой общественный резонанс из всех процессов с участием Федора Никифоровича вызвало дело Саввы Мамонтова в июле 1900 г.

Савва Иванович был промышленным магнатом, главным акционером железнодорожной компаний, одним из самых известных в истории России меценатов. Его имение «Абрамцево» в 1870-1890-ых годах являлось важным центром художественной жизни. Здесь работали и встречались Илья Репин, Василий Поленов, Василий Суриков, Валентин Серов, Виктор Васнецов, Константин Станиславский. В 1885 Мамонтов на свои средства основал в Москве русскую оперу, где блистали Надежда Забела-Врубель, Владимир Лосский, Федор Шаляпин.

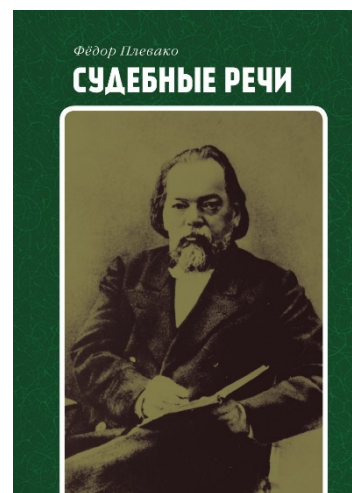
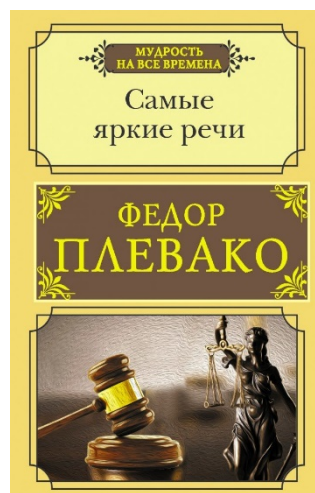
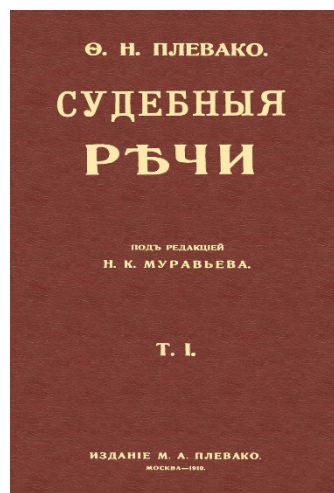
Осенью 1899 российская общественность оказалась шокирована новостью об аресте Мамонтова, его брата и двух сыновей по обвинению в хищении и присвоении шести миллионов рублей из денежных средств, выделенных на строительство Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги.

Процесс по этому делу вел председатель столичного окружного суда, авторитетный юрист Давыдов. Обвинителем выступил известный государственный деятель Павел Курлов, будущий глава Отдельного корпуса жандармов. Защищать Савву Мамонтова был приглашен Плевако, а его родных защищали еще три корифея русской адвокатуры: Карабчевский, Шубинский и Маклаков.

Центральным событием процесса явилась защитительная речь Федора Никифоровича. Наметанным взглядом он быстро установил слабые места обвинения и рассказал присяжным, сколь патриотичен и грандиозен был замысел его подзащитного построить железную дорогу до Вятки с целью «оживить Север», и как вследствие неудачного выбора исполнителей щедро финансируемая операция обернулась убытками, а сам Мамонтов при этом разорился. Плевако говорил: «Рассудите, что тут было? Преступление или ошибка расчета? Намерение причинить вред Ярославской дороге или желание спасти ее интересы? Горе побежденным! Однако пусть эту мерзкую фразу повторяют язычники. А мы скажем: «Пощады несчастным!». Решением суда факт растраты признавался, однако все подсудимые оказались оправданы.

Сам Федор Никифорович разъяснял секреты своих успехов в качестве защитника довольно просто. Первым из них он называл чувство ответственности перед своим клиентом. Плевако говорил: «Между положением защитника и прокурора громадная разница. За спиной прокурора стоит холодный, молчаливый и незыблемый закон, а за защитником — живые люди. Полагаясь на нас, они залазят на плечи и страшно оступиться с такой ношей!». Вторым секретом Федора Никифоровича было потрясающее умение оказывать влияние на присяжных заседателей. Он так объяснял это Сурикову: «Василий Иванович, ведь ты, когда пишешь портреты, стараешься заглянуть в душу, позирующего тебе человека. Вот и я пытаюсь проникнуть взором в душу каждого присяжного и произношу свою речь так, чтоб она долетела до их сознания».

Был ли адвокат всегда уверен в безвинности подзащитных? Разумеется, нет. В 1890 году, произнося защитительную речь по делу Александры Максименко, которую обвиняли в отравлении своего мужа, Плевако сказал прямо: «Если спросить меня, убежден ли я в невинности ее, я не скажу «да». Обманывать не хочу. Но я не убежден и в виновности ее. А когда необходимо выбирать между смертью и жизнью, то сомнения все должны разрешаться в пользу жизни». Впрочем, дел заведомо неправых Федор Никифорович старался избегать. Например, он отказался защищать в суде знаменитую аферистку Софью Блювштейн, более известную как «Сонька — золотая ручка».

Плевако стал единственным корифеем отечественной адвокатуры, ни разу не выступавшим защитником на строго политических процессах, где судились социал-демократы, народолюбцы, народники, кадеты, эсеры. Во многом это было связано с тем, что еще в 1872 году карьера и, возможно, жизнь адвоката едва не оборвалась вследствие его якобы политической неблагонадежности. Дело началось с того, что в декабре 1872 генерал-лейтенант Слезкин — глава Московского губернского жандармского управления — доложил управляющему третьим отделением, что в городе обнаружено некое «тайное юридическое общество», образованное с целью «познакомить студентов с революционными идеями», а также «иметь постоянные связи с зарубежными деятелями и изыскивать способы к распространению запрещенных книг». По полученным агентурным данным в общество входили студенты

юридического факультета, кандидаты прав, а кроме того присяжные поверенные вместе со своими помощниками. Шеф московской жандармерии докладывал: «Означенное общество в настоящее время имеет до 150 действительных членов... В числе первых идет присяжный поверенный Федор Плевако, заменивший князя Урусова (высланного из Москвы в латышский городок Венден и содержащегося там под надзором полиции)». Спустя семь месяцев в июле 1873 тот же Слезкин писал начальству о том, что «за всеми лицами производится строжайшее наблюдение, и применяются все возможные меры к изысканию данных, служащих ручательством о действиях данного юридического общества». В конце концов, данных, «могущих служить ручательством», найти не вышло, и дело о «тайном обществе» было закрыто. Однако с этого самого времени и вплоть до 1905 года Плевако подчеркнуто избегал политики.

Лишь несколько раз Федор Никифорович согласился выступить на процессах по делам о «беспорядках», имеющих политический оттенок.

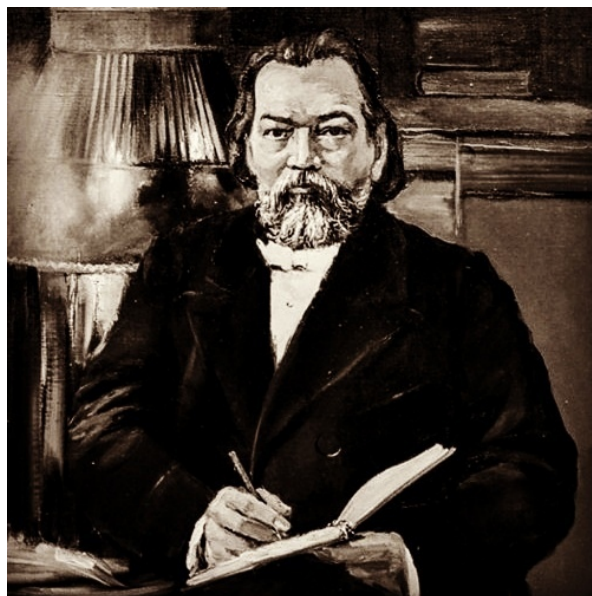
Одним из первых таких разбирательств стало наделавшее много шума «Люторичское дело», в котором Плевако вступился за бунтовщиков-крестьян. Весной 1879 крестьяне деревеньки Люторичи, расположенной в Тульской губернии, подняли бунт против своего помещика. Войска подавили мятеж, а его «подстрекатели» в количестве тридцати четырех человек предстали перед судом с обвинением «сопротивление властям».

Московская судебная палата рассмотрела дело в конце 1880, а Плевако на себя взял не только защиту обвиняемых, но и все расходы по их содержанию во время процесса, длившегося, к слову, три недели. Его защитительная речь фактически явилась обвинением господствовавшего в стране режима. Назвав положение крестьян после реформ 1861 года «*полуголодной свободой*», Федор Никифорович фактами и цифрами доказал, что в Люторичах жить стало в несколько раз тяжелее дореформенного рабства.

Громадные побои с крестьян до такой степени возмутили его, что он заявил помещику и его управляющему: «*Мне стыдно за время, в котором подобные люди живут и действуют!*».

Касательно обвинений его подзащитных Плевако произнес: *«Действительно, они и зачинщики, они и подстрекатели, они и причина всех причин. Бесправие, безысходная бедность, беззащитная эксплуатация, которая довела до разорения всех и вся — вот они, подстрекатели»*. После речи адвоката, по свидетельствам очевидцев, в зале суда *«раздавались рукоплескания потрясенных и взволнованных слушателей»*. Тридцать из тридцати четырех подсудимых суд был вынужден оправдать, а Анатолий Кони говорил, что выступление Плевако стало *«по настроениям и условиям тех лет гражданским подвигом»*.

Столь же громко и смело выступил Федор Никифорович на процессе по делу участников стачки работников Никольской мануфактуры, принадлежащей фабрикантам Морозовым и расположенной у села Орехово (в настоящее время город Орехово-Зуево).

Эта забастовка, прошедшая в январе 1885, стала самой крупной и самой организованной в России к тому времени — участие в ней приняли свыше восьми тысяч человек. Стачка лишь отчасти носила политический характер — возглавляли ее рабочие-революционеры Моисеенко и Волков, а среди прочих требований, предъявленных губернатору бастующими была *«полная смена договоров найма согласно изданному государственному закону»*. Защиту главных обвиняемых — Волкова и Моисеенко — взял на себя Плевако.

Как и в Люторичском деле, Федор Никифорович оправдывал подсудимых, рассматривая их поступки как вынужденный протест против произвола со стороны хозяев мануфактуры.

Он подчеркивал: *«Вопреки условиям договора и общему закону фабричная администрация не отапливает заведение, и рабочие находятся у станков при десяти-пятнадцати градусах холода. Вправе они отказаться от работы и уйти при наличии незаконных деяний хозяина, или вынуждены замерзнуть геройской смертью? Рассчитывает их хозяин также по произволу, а не по установленному договором условию. Должны рабочие терпеть и молчать или могут отказаться от работы в таком случае? Полагаю, закон должен охранять интересы хозяев против беззакония работников, а не брать хозяев под свою защиту во всяческом их произволе»*.

Обрисовав положение трудящихся Никольской мануфактуры, Плевако, согласно воспоминаниям очевидцев, произнес следующие слова: *«Если, читая книжку о чернокожих рабах, мы возмущаемся, то сейчас перед нами белые рабы»*. Суд был убежден доводами защиты.

Признанные вожаки стачки Волков и Моисеенко получили лишь три месяца ареста. Нередко в судебных речах Плевако затрагивал злободневные социальные вопросы. В конце 1897, когда столичная судебная палата разбирала дело работников фабрики Коншина в городе Серпухове, взбунтовавшихся против безжалостных условий труда и разгромивших квартиры фабричного начальства, Плевако поставил и разъяснил юридически и политически крайне важный вопрос о соотношении коллективной и личной ответственности за какое-либо правонарушение.

Он говорил: *«Совершенно незаконное и нетерпимое деяние, и преступником являлась толпа. Но судят не толпу, а несколько десятков замеченных в ней лиц: толпа ушла... Толпа — это здание, в котором люди — кирпичи. Из одних кирпичей строится и тюрьма — жилище отверженных, и храм Богу. Находиться в толпе еще не означает носить ее инстинкты. В толпе богомольцев скрываются и карманники. Толпа заражает. Лица, входящие в нее, заражаются. Бить их — все равно, что уничтожать эпидемию, бичуя заболевших».*

Любопытно, что в отличие от коллег, старающихся превратить судебный процесс в урок политграмоты или школу политического воспитания, Федор Никифорович всегда старался обходить политические аспекты стороной, и в его защите, как правило, звучали общечеловеческие нотки. Обращаясь к привилегированным классам, Плевако взывал к их чувству человеколюбия, убеждая протянуть малоимущим руку помощи. Мировоззрение Федора Никифоровича можно было охарактеризовать как гуманистическое, он неоднократно подчеркивал, что *«жизнь одного единственного человека дороже любых реформ».* И добавлял при этом: *«Пред судом равны все, будь ты хоть генералиссимусом!».*

Любопытно, что при этом Плевако находил естественным и необходимым для правосудия чувство милосердия: *«Слово закона походит на угрозы матери своим детям. Покуда вины нет, обещает она непокорному сыну жестокую кару, однако едва наступает необходимость наказания, материнская любовь ищет повод смягчить меру казни».*

Почти сорок лет Федор Никифорович отдал правозащитной деятельности. И правовая элита, и специалисты, и обыватели ценили Плевако выше всех прочих адвокатов, называя *«великим оратором»*, *«гением слова»*, *«митрополитом адвокатуры»*. Сама фамилия его превратилась в нарицательную, означающую адвоката экстра-класса. Без всякой иронии в те годы писали и говорили: *«Найди себе другого «Плеваку».*

В знак признания заслуг Федор Никифорович был удостоен потомственного дворянства, титула действительного статского советника (четвертый класс, по табели о рангах соответствующий званию генерал-майора) и аудиенции у императора. Жил Фёдор Никифорович в двухэтажном особняке на Новинском бульваре, и этот адрес знала вся страна. В его личности удивительным образом сочетались размахистость и

цельность, разгульное барство (например, когда Плевако организовывал гомерические пирушки на зафрахтованных им пароходах) и житейская простота. Несмотря на то, что гонорары и слава укрепили его материальное положение, деньги никогда не имели над адвокатом власти.

Современник писал: *«Федор Никифорович не скрывал своей состоятельности и не стыдился богатства. Он считал, что главное поступать по-божески и не отказывать в помощи тем, кто по-настоящему в ней нуждается».*

Много дел Плевако вел не только бесплатно, но и помогая материально своим малоимущим обвиняемым. Кроме того, Плевако смолоду и до самой смерти был неизменным членом всевозможных благотворительных учреждений, например «Общества призрения, обучения и воспитания слепых детей» или «Комитета по устройству студенческих общежитий». Тем не менее, добрый к беднякам, он буквально выбивал из купцов огромные гонорары, при этом требуя авансы. Когда же его спрашивали, что это такое «аванс», Плевако отвечал: «Задаток знаешь? Так вот аванс — тот же задаток, однако больше в три раза».

Интересной чертой характера Плевако являлась его снисходительность к своим злопыхателям и завистникам. На застолье по случаю двадцатипятилетия его адвокатской карьеры Федор Никифорович приветливо чокался, как с друзьями, так и с приглашенными известными недругами. На удивление супруги Федор Никифорович со своим обычным добродушием заметил: «Что ж мне судить их, что ли?». Вызывают уважение культурные запросы адвоката — у него была собрана огромная по тем временам библиотека. Презирая беллетристику, Федор Никифорович увлекался литературой по праву, истории и философии. Среди его любимых авторов были Кант, Гегель, Ницше, Куно Фишер и Георг Еллинек. Современник писал: *«У Плевако было какое-то заботливое и нежное отношение к книгам — и своим, и чужим. Он сравнивал их с детьми. Его возмущал вид порванной, загрязненной или растрепанной книги. Он говорил, что наряду с существующим «Обществом защиты детей от жестокого обращения», необходимо организовать «Общество защиты книг от жестокого обращения».*

Несмотря на то, что Плевако весьма дорожил своими фолиантами, он свободно давал их почитать своим друзьям и просто знакомым.

Этим он разительно отличался от «книжного скупца» философа Розанова, говорившего: «Книга — это не девка, незачем ей ходить по рукам».

Знаменитый оратор был не просто начитан, с юных лет он отличался необыкновенной памятью, наблюдательностью и чувством юмора, что находило выражение в каскадах каламбуров, острот, пародий и эпиграмм, сочиняемых им как в прозе, так и в стихах. Долгое время фельетоны Федора Никифоровича печатались в газете «Московский листок» писателя Николая Пастухова, а в 1885 Плевако организовал в Москве издание своей собственной газеты под названием «Жизнь», однако это предприятие «успеха не имело и прекратилось на десятом месяце». Широко был круг личных связей адвоката. Он был хорошо знаком с Тургеневым и Щедриным, Врубелем, и Станиславским, Ермоловой и Шаляпиным, а также многими другими признанными художниками, литераторами и артистами. По воспоминаниям Павла Россиева, нередко к Плевако направлял мужиков Лев Толстой со словами: «Федор, обели несчастных». Адвокат обожал все виды зрелищ от элитных спектаклей и до народных гуляний, однако наибольшее удовольствие доставляло ему посещение двух столичных «храмов искусств» — русской оперы Мамонтова и Художественного театра Немировича-Данченко и Станиславского. Также Плевако любил путешествовать и объездил всю Россию от Урала до Варшавы, выступая на судебных процессах в маленьких и больших городах страны.

Первая супруга Плевако работала народной учительницей, и брак с ней оказался весьма неудачен. Вскоре после рождения сына в 1877 они расстались. А в 1879 за юридической помощью к Плевако обратилась некая Мария Демидова, супруга известного льняного промышленника.

Через несколько месяцев после знакомства с адвокатом она, забрав пятерых детей, переехала к Федору Никифоровичу на Новинский бульвар. Все ее ребяташки стали для Плевако родными, впоследствии у них родилось еще трое — дочь Варвара и два сына. Бракоразводный процесс Марии Демидовой против Василия Демидова растянулся на целых двадцать лет, поскольку фабрикант наотрез отказывался отпустить бывшую супругу. С Марией Андреевной же Федор Никифорович прожил в ладу и согласии всю оставшуюся жизнь.

Примечательно, что сын Плевако от первого брака и один из сыновей от второго впоследствии стали известными адвокатами и работали в Москве. Еще более примечательно то, что их обоих звали Сергееми.

Необходимо отметить еще одну черту Федора Никифоровича — всю жизнь адвокат был глубоко верующим человеком и под веру свою даже подводил научное обоснование. Плевако регулярно посещал церковь, соблюдал религиозные обряды, любил крестить детей всех рангов и сословий, служил церковным старостой в Успенском соборе, а также пытался примирить «богохульную» позицию Льва Толстого с положениями официальной церкви. А в 1904 Федор Никифорович даже встречался с папой римским и имел с ним долгий разговор о единстве Бога и о том, что православные и католики обязаны жить в добром согласии.

В конце своей жизни, а именно в 1905 году, Федор Никифорович обратился к теме политики. Царский манифест 17 октября внушил ему иллюзию приближения гражданских свобод в России, и он с юношеским задором устремился во власть. Первым делом Плевако попросил известного политического деятеля и адвоката Василия Маклакова внести его в списки членов Конституционно-демократической партии. Однако тот отказался, резонно заметив, что *«партийная дисциплина и Плевако понятия несовместимые»*. Тогда Федор Никифорович вступил в ряды октябристов.

Впоследствии он был избран в третью Государственную Думу, в которой с наивностью

политика-дилетанта призывал коллег заменить «слова о свободе словами свободных рабочих» (эта выступление в Думе, состоявшееся в ноябре 1907, стало его первым и последним).

Известно также, что Плевако продумывал проект трансформации царского титула, дабы подчеркнуть, что Николай отныне не абсолютный русский царь, а ограниченный монарх.

Однако заявлять об этом с думской трибуны он не рискнул.

Плевако скончался в Москве 5 января 1909 от инфаркта на шестьдесят седьмом году жизни. На смерть выдающегося оратора откликнулась вся Россия, однако особенно скорбили москвичи, многие из которых считали, что в столице России есть пять главных достопримечательностей: Третьяковская галерея, Собор Василия Блаженного, «Царь-пушка», «Царь-колокол» и Федор Плевако. Газета «Раннее утро» выразилась предельно кратко и точно: «Россия потеряла своего Цицерона».

Похоронен Федор Никифорович был при колоссальном стечении народа всех состояний и слоев на кладбище Скорбященского монастыря. Однако в тридцатые годы прошлого века останки Плевако перезахоронили на Ваганьковском кладбище.

Цитаты Федора Никифоровича Плевако

Господа, а ведь могло быть и хуже.

За прокурором стоит закон, а за адвокатом – человек со своей судьбой, со своими чаяниями, и этот человек взбирается на адвоката, ищет у него защиты, и очень страшно поскользнуться с такой ношей.

Смерть греху, но оставьте жизнь грешнику!

Факты отвергать нельзя: снятой головы к плечам не приставишь.

За прокурором стоит закон, а за адвокатом – человек со своей судьбой, со своими чаяниями, и этот человек взбирается на адвоката, ищет у него защиты, и очень страшно поскользнуться с такой ношей.

Есть моменты, когда душа возмущается неправдой, чужими грехами, возмущается во имя нравственных правил, в которые верует, которыми живет – и, возмущенная, поражает того, кем возмущена... Так, Петр поражает раба, оскорбляющего его учителя. Тут все-таки есть вина, несдержанность, недостаток любви к падшему, но вина извинительнее первой, ибо поступок обусловлен не слабостью, не самолюбием, а ревнивой любовью к правде и справедливости.

В фонде Библиотечно-информационного комплекса Финансового университета и электронных коллекциях:

Плевако, Ф.Н.

Избранные речи / Сост.сб.Р.А.Маркович;Отв.ред.Г.М.Резник .— М. : Юридическая литература, 1993 .— 544с.

Защитительные речи, вошедшие в сборник, являются образцом не только судебного красноречия и ораторского искусства, но и примером ловких адвокатских трюков и остроумных выходов, нередко спасавших клиентов знаменитого юриста от грозившей кары.

В библиотеках по адресу: Ленинградский пр-т 49, 4-й Вешняковский проезд.

Плевако, Ф.Н.

Избранные речи / Ф.Н. Плевако ; Сост.И.В.Потапчук .— Тула : Автограф, 2000 .— 368с. — (Юридическое наследие) .

Защитительные речи, вошедшие в сборник, являются образцом не только судебного красноречия и ораторского искусства, но и примером ловких адвокатских трюков и остроумных выходов, нередко спасавших клиентов от грозившей кары. Для адвокатов, работников прокуратуры, следователей, аспирантов, преподавателей, всех, кто интересуется историей российской юстиции.

В библиотеках по адресу: Ленинградский пр-т 49, ул.Олеко Дундича, 4-й Вешняковский проезд

Плевако, Ф.Н.

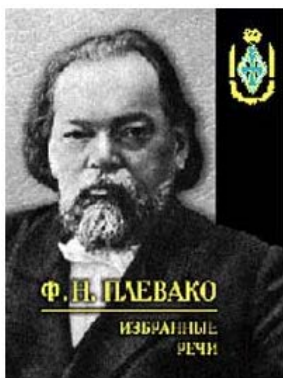
Речи.Том I. [Электронный ресурс] .— 3-е изд. .— М. : Типография В.М.Саблина, 1912 г .— CD157 - КонсультантПлюс: Высшая школа. Выпуск16 .— Библиогр.: с. — 0.00 CD157.

В библиотеке по адресу: 4-й Вешняковский проезд

Плевако, Ф.Н.

Речи. Том II. [Электронный ресурс] .— М. : Типография В.М.Саблина, 1910 г .— CD157 - КонсультантПлюс: Высшая школа. Выпуск16 .— Библиогр.: с. — 0.00 CD157.

В библиотеке по адресу: 4-й Вешняковский проезд

Плевако, Ф. Н. Избранные речи в 2 т. Том 2 / Ф. Н. Плевако, Г. М. Резник. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 324 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-02758-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/451834>

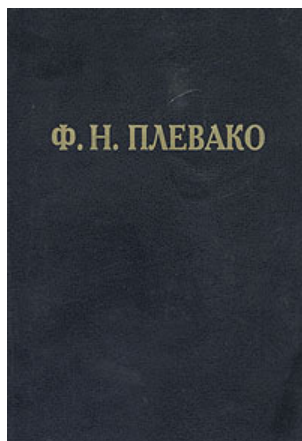
Плевако Федор Никифорович известный адвокат, наделенный природой чудесным даром слова. Считался одним из лучших русских ораторов, которого современники прозвали «московским златоустом». Защитительные речи, вошедшие в сборник, являются образцом не только судебного красноречия и ораторского искусства, но и примером ловких адвокатских трюков и остроумных выходов, нередко спасавших клиентов знаменитого юриста от грозившей кары.

Плевако, Ф. Н. Избранные речи в 2 т. Том 1 / Ф. Н. Плевако, Г. М. Резник. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 327 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-534-02756-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/451832>

Плевако, Ф. Н. Избранные речи / Ф. Н. Плевако, Г. М. Резник. — Москва : Издательство Юрайт, 2016. — 649 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-9916-6640-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/389511>

Плевако, Ф.Н.

Избранные речи / Ф.Н. Плевако ; Сост.И.В.Потапчук .— Тула : Автограф, 2000 .— 368с. — (Юридическое наследие)

Федор Никифорович Плевако. Во второй половине XIX века - начале XX века это имя знали все от мала до велика, знали не только в России, но и за ее пределами. В книгу вошли защитительные речи, произнесенные на 34 судебных процессах.

В библиотеках по адресу: Ленинградский пр-т 49, ул.Олеко Дундича

Из сокровищницы правовой мысли: Ф.Н.Плевако // Закон. — 2005 .— № 4
В библиотеке по адресу: Ленинградский пр-т 49

Из сокровищницы правовой мысли: Ф.Н.Плевако. Дело Коншинской фабрики // Закон. — 2005 .— № 9 .— С.109-112.